

УДК 303.442.4

DOI: 10.17223/22220836/43/13

И.М. Эрлихсон

«НЬЮГЕЙТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ»: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Автор обращается к одному из аспектов истории английской уголовно-исполнительной системы XVIII в. в контексте ее репрезентации на страницах знаменитого «Ньюгейтского календаря», именуемого современниками «Библией преступного мира». Анализ двух криминальных биографий – мужской и женской – на основе междисциплинарного синтеза с учетом теоретических положений психологической антропологии позволил существенно расширить диапазон британской интерпретации вечной темы преступления и воздаяния и дал ключ к трактовке психологии преступника, мотивов противоправных действий, способов и форм реализации наказания в указанный период.

Ключевые слова: «Ньюгейтский календарь», преступление, психологическая антропология, культурная история.

В XVIII столетии Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности, который озадачивал и панически пугал просвещённую общественность. Отечественный историк права А.Ф. Кистяковский в диссертации, посвященной смертной казни, приводит следующие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 г. было приговорено к смертной казни 1 тысяча 121 человек [1], а по подсчетам британского историка В. Гэттрелла, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 тыс. человек [2. Р. 9].

Наиболее остро проблема преступности стояла в Лондоне, одном из самых населенных европейских мегаполисов. К криминологически значимым факторам, присущим жизнедеятельности больших городов, исследователи традиционно относят «высокую плотность населения, порождающую скученность людей... повышенные психологические нагрузки, вызывающие значительное число стрессовых ситуаций; наличие большой внутригородской миграции, городскую агломерацию» [3. С. 181].

Авторитетному биографу Лондона П. Акройду принадлежат выразительные строчки о городских реалиях XVIII столетия: «...а далее протирался Лондон с мешаниной кривых и извилистых узких улиц, тесных, мрачных и длинных переулков, вонючих тупиков, темных и угрюмых дворов и затхлых задворков. Это был еще... старый Лондон, не ведавший хваленого смягчения нравов, которое наметилось только в последние годы XVIII столетия...» [4. С.18]. В 1751 г. Генри Филдинг сравнивал «Лондон и Вестминстер с пустынями Африки и Аравии, так как многочисленные предместья, темные аллеи, переулки, дворики – идеальное место, чтобы совершать преступления, а затем скрываться от правосудия подобно диким зверям» [5. Р. 116].

Проблема преступности в XVIII в. осознавалась современниками как острая социальная дилемма, именно поэтому она стимулировала исключительный всплеск творческо-интеллектуальной активности, специфику и содержание кото-

рой методологически оправданно изучать в рамках «новой культурно-интеллектуальной истории». Почти сорок лет назад выдающийся историк-медиевист, самый яркий представитель третьего поколения школы «Анналов» Жак ле Гофф в программной статье «Является ли все же политическая история становым хребтом истории?» [6] констатировал кризис традиционной политической истории и обозначил истоки новой, антропологически ориентированной событийной истории.

Современная модель «новой интеллектуально-культурной истории» в первую очередь отдает предпочтение не столько истории идей, сколько взаимодействию между движением идей и их исторической «средой обитания» – теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Такой современный способ историописания явственно дистанцируется от статичного рассмотрения эволюции норм и институтов в сторону изучения истории социальных и культурных практик: «"Практики" – один из лозунгов новой культурной истории: история религиозных практик вместо теологии, история речи вместо лингвистики, история экспериментов вместо научной теории» [7].

Представляя базовые принципы «новой интеллектуально-культурной истории», Л.П. Репина подчеркивает, что «практики (социальные и культурные. – *Авт.*) развиваются в рамках институтов в соответствии с нормами и ограничениями разного порядка, под контролем власти, но они, в свою очередь, являются источником мутаций институтов, замещения норм и производства новых властных отношений. Так формулируется концепция «культурной истории социального», центральным вопросом которой является соотношение между нормами, представлениями (репрезентациями) и практиками» [8. С. 21].

По справедливому утверждению А.В. Дроздовой, «современное гуманитарное знание, переосмысливая социальную реальность, предлагает “переопределить общество” и рассматривать его как систему, состоящую из конкретных людей и из отношений между ними» [9. С.6]. Логика изучения повседневности превращается в самостоятельный объект изучения, ядром которого является взаимодействие человеческих индивидов как на физическом, так и на эмоционально-ментальных плане.

В рассматриваемый период преступление было одним из факторов, создававших социокультурную реальность, которая воплощалась в материальной форме реальных человеческих взаимодействий и отражалась в письменных источниках: материалах судебных заседаний, периодических изданиях, дневниках, записках путешественников, автобиографиях, произведениях художественной литературы. Работа с этими текстами предполагает учет «нарративных условностей конкретного времени и находящихся в употреблении риторических приемов и неизбежных умолчаний» [10. С. 352]. Мы сосредоточим фокус исследования на «Ньюгейтском календаре», именуемом современниками «Кровавым реестром негодяев» или «Библией преступного мира».

Формат и структура «Ньюгейтского календаря» – справочник о заключенных Ньюгейтской тюрьмы, содержащий биографические данные арестантов и описание способов совершения преступлений. По общепринятой версии, авторами биографий были тюремные священники, исповедовавшие приговоренных к казни

преступников. Эти небольшие «исповеди» обобщались и публиковались в виде небольших брошюр «в назидание», а затем продавались на ярмарках и во время публичных казней в Лондоне. По мнению Дж. Уилсона, исследующего происхождение криминологии, эта область познания начиналась с литературных и этических рассказов о преступлениях и преступниках, написанных не учеными, а работниками криминальной юстиции: «...биографии преступников первоначально писались тюремщиками, а затем юристами, которые подробно описывали их жизнь, детали преступлений, признания, раскаяние и приведение приговора в исполнение» [11. С. 232], последние слова осужденного, иногда до того, как он произносил их.

Вокруг криминальных историй поднялся настоящий общественный ажиотаж, и предприимчивые издатели стали собирать листки в альманахи. Первая коллекция подобных записей под названием «Тайбернский календарь или Кровавый реестр злоумышленников» была издана в 1705 г. затем на протяжении XVIII в. «Ньюгейтский календарь» переиздавался еще пять раз, в XIX в. – шесть, в XX в. – одиннадцать раз с вариациями в названии и содержании. Каждая новая коллекция либо пополнялась, либо сокращалась в зависимости от предпочтений публики и замысла редакторов, поэтому единого издания, включающего *все* криминальные биографии, не существует.

В истории уголовно-правовых учений «Ньюгейтский календарь» традиционно презентуется как важная веха в становлении криминологии как науки, а в литературоведческом ракурсе – как предтеча «ньюгейтского романа» и детективного жанра. На наш взгляд, наибольший интерес «Ньюгейтский календарь» представляет с точки зрения психологической антропологии. Л. Февр отмечал, что «нет нужды долго доказывать, что психология, то есть наука, изучающая ментальные функции, непременно должна вступить в связь с социологией... и что не менее необходимыми являются ее постоянные соотношения с рядом трудноопределимых дисциплин, чья совокупность традиционно называется историей» [12. С. 97]. По определению Т.Р. Вильямса, «психологическая антропология изучает судьбу индивидов в специфическом культурном контексте и интерпретирует полученные данные разнообразными психологическими теориями» [13. Р. 26]. Ее предмет чрезвычайно обширен, но в избранном нами ракурсе рассмотрения преступления с точки зрения мотивации его субъектов, с одной стороны, и общественности в поиске универсальных форм нейтрализации преступной агрессии – с другой, мы фокусировались преимущественно на анализе эмоционально-психологических состояний, а также специфики проявления и восприятия насилия в социальном и духовно-интеллектуальном контекстах исследуемой эпохи.

«Ньюгейтский календарь», как и любой интерпретируемый текст, представляет собой вариативную целостность, незавершенную и открытую для толкований, в которой аккумулируется несколько культурных смыслов. Он представляет интерес с нескольких точек зрения: отражая специфику функционирования английского уголовного правосудия, является уникальным свидетельством эмоционального режима, в котором функционировала рассматриваемая эпоха. «Эмоция может стать ключом к пониманию логики участников коммуникации, что открывает новые возможности для выявления различий в логиках текста и опыта, а значит, позволяет точнее и результативнее размышлять о культурных явлениях.

Рассказ об эмоциональных событиях и их телесном проявлении помогает понять когнитивные акты, которые трансформируют как культурные основы, так и интерпретативные системы, определяющие их значения» [10. С. 351].

«С признанием текучей и многомерной природы социальной жизни происходит пересмотр центрального тезиса феноменологии повседневности о “множественности миров” как “замкнутых” и “конечных” областей смысла. Социальные науки второй половины XX в. стали отказываться от “обезличенных универсальных” типологических схем объяснения общества. Наметившаяся гуманистическая тенденция (антропологический вектор) сместила центр анализа социальной реальности с макроуровня на микроуровень “малых” социальных групп, отдельных людей, практики повседневной жизни» [9. С. 54]. Истории реальных персоналий, ничем не примечательных людей, чьи имена оказались увековечены благодаря специфическому, порой иррациональному стечению обстоятельств, позволяют реконструировать механизм различных видов преступлений с точки зрения субъектов криминальной активности и представителей уголовного правосудия, выявить степень социальной и психологической обусловленности противоправных деяний, лучше понять способы проявления чувств, а также охарактеризовать стратегии и ожидания издателей и потребителей информационного продукта в контексте социально-политических и идеологических координат эпохи.

Наш первый персонаж, пожалуй, самый известный английский преступник XVIII столетия, чей жизненный путь и деяния, изначально увековеченные Д. Дефо [14, 15], впоследствии перекочевали на страницы «Ньюгейтского календаря», – Джон Шеппард (1702–1724). Сразу же после казни, состоявшейся 16 ноября 1724 г., он стал героем лондонской криминальной мифологии, прославившись дерзкими преступлениями, но главным образом – беспрецедентными побегами из Ньюгейтской тюрьмы и доходящим до нигилизма пренебрежением к закону. Опуская детали его биографии, мы остановимся на самых существенных для его психологического портрета аспектах.

Прежде всего это его отношения с близкими людьми. Для личности преступника характерна разная степень нравственной нечувствительности, варьирующейся от нравственной хаотичности до полной духовной деградации. В случае Шеппарда сфера родственных отношений явно выпала из зоны нравственной регуляции: «Примесь человеческих чувств у таких индивидуумов может сохраняться лишь к ограниченному кругу лиц: близким приближенным соучастникам по преступной деятельности. В крайней степени нравственной деградации может отсутствовать нравственная чувствительность и в отношении близкого круга лиц» 16. С. 93]. После второго легендарного побега из Ньюгейта Шеппард встретился со своей матерью. «Несчастливая женщина на коленях со слезами на глазах умоляла непутевого сына уехать из Англии и тем самым спасти свою жизнь. Он обещал последовать ее совету, хотя в его намерения это никоим образом не входило» [17. Р. 216].

«Несмотря на свою широкую популярность, фигура Шеппарда во многом остается для нас загадочной. Мы можем предположить, что одержимость идеей побега развилась у него в детстве, когда он жил в работном доме на Бишопсгейте, а свою поразительную сноровку этот легендарный вор приобрел, работая у плотника в учениках... Он был жестоким и бессовестным человеком, но серия его

побегов из Ньюгейта преобразовала всю атмосферу города, большинство жителей которого восторгалось его отвагой», – писал Питер Акرويد [18].

«Грابتь и убегасть» – именно такому алгоритму подчинялась жизнь Шеппарда. В природе типовые реакции поведения в ситуации опасности «представлены формулой “борьба, бегство, замирание”, которая в социальной интерпретации приобретает вид “агрессия, уход, выжидание”. Социальная агрессия может выражаться в физической, словесной и предметной формах» [19. С. 138]. Джон сочетал их все. В его биографии есть упоминания о рукоприкладстве, когда он избивал своих жертв, а также отражены случаи, когда Джон проявлял и предметную агрессию, разряжая внутреннее напряжение путем бесцельного разрушения или повреждения вещей.

Этапы жизненного пути Шеппарда свидетельствуют о том, что его поведенческой стратегии был свойствен ярко выраженный *эскапизм*. Хотя в научном дискурсе, несмотря на обширное количество публикаций по данной тематике, единой дефиниции не существует, выделяют следующие функции: *компенсаторная*, *адаптационная*, *протестная* и *релаксационная*, «...а еще можно компенсировать недостаток свободы путем решительного, радикального разрыва с паутиной культурных норм... Протестуя, эскапист совершает поступки» [20. С. 270]. Жизнь Шеппарда изобиловала подобного рода эскапистскими актами, с помощью которых он декларативно утверждал абсолютную свободу от административно-юридических, этических и религиозно-нравственных норм. Вырваться из стен символизирующего репрессивную функцию официальной власти Ньюгейта означало освободиться от всех уз обычного мира.

В условиях заключения, на наш взгляд, на первый план выходила протестная функция, проявляющаяся в эксцентричных выходках, дерзких, граничащих с богохульством высказываниях. Чего стоит его знаменитое восклицание, облетевшее весь Лондон: «Один напильник стоит всех Библий мира!» Очевидно, что векторы, задающие направление поведению закоренелых преступников, совершенно отличны от мотивации обывателей. «Их демонстративное пренебрежение “общечеловеческими” нормами поведения позволяет им жить за счет обывателя, ошеломить его, если нужно опередить реакцию толпы и восторжествовать над повседневностью... их поведение... артистическая форма жестикюляции, рассчитанной на аудиторию» [21. С. 234–235]. Бравада, опьяняющий нигилизм и агрессивный эпатаж, демонстрируемые Шеппардом, буквально гипнотизировали жителей Лондона. Льюис Мамфорд, чьи труды по урбанистике признаны каноническими, раскрывая понятие «город», не случайно использовал метафору «театр»: «Город поощряет искусство и является искусством; город создает театр и является театром» [22. С. 80]. Лондон стал идеальной сценой для финала социальной драмы, разыгранной Шеппардом. Его проезд под ньюгейтской аркой был блестящей драматургической находкой. Благодаря ей Шеппард стал частью лондонской мифологии, а его свершения воспели в стихах, балладах и пьесах.

«Эскапизм – это не добровольный выбор определенной части людей. Любой человек до некоторой степени эскапист. Эскапист он потому, что существует на границе двух способов бытия» [23. С. 100]. Собственно, стремление вырваться из регламентированного и стабильного бытия, оцениваемого как неудовлетворительное, и оказаться в новой реальности, захватывающей и авантюрной, с завид-

ной регулярностью приводило нашего героя в камеру и в конце концов привело на виселицу. Но перед этим он совершил самый триумфальный побег в своей жизни – побег в другую личность. Попытки сделать это совершались им на протяжении всей жизни, в «Ньюгейтском календаре» описываются эпизоды с переодеваниями: он бежал из тюрьмы, переодетый в женскую ночную рубашку, примерял на себя личину мясника, нищего и, наконец, трансформировался в «совершенного джентльмена». Это был апогей карьеры Шеппарда, его короткое торжество над обыденностью, после которого ему оставалось только совершить «окончательный побег» из физического бытия, обставив свой бенефис театральными эффектами и получив безоговорочную поддержку аудитории, следствием чего явилась последующая беспрецедентная героизация его образа.

В Предисловии к «Календарю» 1780 г. утверждалось, что ужесточение наказания для женщин, несомненно, будет иметь весьма благоприятные последствия: «Это презренные создания, которым сотни молодых людей обязаны банкротством и разрушенными судьбами. Надеюсь, наше замечание не покажется вам безжалостным, но смею уверить, казнь десяти женщин будет более полезной, чем аналогичная мера в отношении ста мужчин; ибо живительная сила примера способствует сохранению не одной жизни» [24. Р.17]. Структура женской преступности не повторяет мужскую, она специфична прежде всего в количественных показателях. В «Ньюгейтском календаре» налицо ярко выраженная диспропорция между женскими и мужскими биографиями в пользу последних. Это подтверждает общепризнанную закономерность, выражающуюся в априори меньшем удельном весе женщин в числе лиц, преступивших закон. Хотя справедливости ради следует отметить, что в рассматриваемом нами источнике отразились сведения об официально зарегистрированных правонарушениях, и доля женских правонарушений, очевидно, на самом деле была выше [25].

В каких преступлениях обвиняли женщин, за что они представляли перед судом? В рассматриваемый период деятельность женщин в подавляющем большинстве была ограничена рамками семейной жизни, и они традиционно идентифицировали себя с ролями жены и матери. Поэтому превалирование противоправных деяний в домашней и половой сферах объясняется именно тем, что именно с ней были связаны идентичность и социальный статус среднестатистической женщины. В рамках трехфакторной модели С. Бен-Дэвида именно в семье представлены три условия (стимулы – поведенческие факторы – ситуационные факторы [26]), необходимых для инициации насилия.

В «Ньюгейтском календаре» содержится описание чудовищных преступлений, раскрытых и ставших достоянием потрясенных современников в течение 1767 г. Элизабет Браунинг, добропорядочная женщина, мать шестнадцати детей, в течение длительного времени истязала двух девочек из работного дома Мэри Митчелл и Мэри Джонс, сирот, которые были переданы ей на попечение приходским советом. При содействии мужа и старшего сына она избивала их розгами, окунала головой в холодную воду, стегала кнутом, держала обнаженными в ледяном подвале, привязывала на цепь к дворовой калитке. Одной из жертв удалось убежать, другую обнаружили, благодаря бдительности соседки, которая услышала крики и предприняла соответствующие меры. Делу был дан ход, и 14 сентября 1767 г. ее повесили в Тайберне, а мужа и сына приговорили к шести годам заключения [27. Р. 369].

Описываемые события происходили более чем за сто лет до выхода монографии «Psychopathia sexualis» («Половая психопатия») Р. Крафта-Эбинга, введшего в научный обиход понятие «садизм», феномен которого был впоследствии исследован Зигмундом Фрейдом в контексте сексуальных отношений. Эрих Фромм трактовал этот психологический термин шире, как патологическое стремление к неограниченной власти над другими существами, причем наличие сексуального момента возможно, но не обязательно: «Черты садизма проступают в человеческих поступках, в мотивах и целях человеческих взаимоотношений. Чем обусловлено, к примеру, желание человека контролировать жизнь другого человека, почему он находит удовольствие в том, чтобы мучить и унижать людей?» [28]. Исходя из классификации садистских тенденций Э. Фромма, персонажи из вышеприведенных эпизодов демонстрируют третий тип, состоящий в «стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают... Целью такого стремления может быть как активное причинение страдания – унизить, запугать другого, – так и пассивное созерцание чьей-то униженности и запуганности» [29. С. 154]. Потребность Браунинг и Метъярд в установлении полного контроля над детьми из приюта, беспомощных и не способных отплатить за унижение и боль, очевидно приносило им наслаждение и давало ощущение всемогущества.

Профессор Ю.М. Антонян отмечал, что для понимания феномена садизма очень важно отличать его от некрофилии. «Садист хочет оставаться хозяином жизни и потому для него может быть важно, чтобы его жертва оставалась живой. Как раз это отличает его от некрофилов, которые стремятся уничтожить свою жертву, растоптать саму жизнь, садист же стремится испытать чувство своего превосходства над жизнью, которая зависит от него» [30. С. 196–197].

Какие цели преследовали эти абсолютно заурадные женщины, чьи имена оказались увековечены только «благодаря» сильнейшей деформации психики? В описываемый период психологические особенности личности даже таких «неординарных» преступниц едва ли могли стать предметом криминологического анализа, скорее, их деяния хоть с отдельными оговорками вписались в благополучно бытовавший, если не сказать доминировавший, в европейской христианской культуре женский архетип. Женщина – это воплощение Евы, искушительница, по выражению французского социолога Ж. Липовецкого, «необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презируемое мужчинами» [31. С. 340]. Двойственное отношение к женщине, априори обладающей меньшей по сравнению с мужчиной свободой в рамках социального статуса, но представляющей потенциальную опасность в биопсихологическом и сексуальном плане накладывало отпечаток на трактовку женского девиантного поведения.

Разумеется, тема преступления и наказания была представлена в английской литературной традиции задолго до появления «Ньюгейтского календаря». В.Н. Карначук связывает популярность криминальной тематики с социально-экономическими, религиозными и политическими трансформациями в европейских странах раннего Нового времени. Криминальная проза в XVIII столетии продуцировалась посредством слияния двух форм идеологий: идеология преступления и общественного осознания того, что приводит людей к нарушению закона, а затем к заслуженному наказанию и чисто эстетическая идеология,

направленная на конструирование интересной истории для читательской аудитории. «Криминальная биография – один из самых популярных жанров в августинской Англии, с развитием которого связывают зарождение романа. Причины популярности подобных историй можно объяснить тем, что эти персонажи воплощали тайные фантазии об абсолютной свободе, морально-нравственной, экономической, сексуальной» [32. Р. 106]. Тайбернские журналисты запечатлевали и увековечивали канонический образ знаменитого преступника – вора и бандита с большой дороги, рожденного в бедности, неоднократно уходившего от закона, чья «блестящая» карьера неизбежно прерывалась бенефисом на тайбернских «подмостках» под ликование алчущей кровавого зрелища толпы.

Нарративность как способ фиксации жизненных реалий в слове, по мнению Лиотара, предполагает рационального субъекта, познающего и обрабатывающего языковую информацию. «В общей системе культуры тексты выполняют, по крайней мере, две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов... Следовательно, текст во второй своей функции является не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором» [33. С. 33, 35].

С помощью нарративных практик сохранялась память о тех, кто с точки зрения традиционной морали был недостойным для увековечения в архиве большой культуры: все богатство социальных типов преступников от мелких мошенников до жестоких убийц с психопатическими наклонностями. Он стал возможным, потому что в описываемую эпоху границы вторжения публичного интереса в приватную сферу начали постепенно расширяться. Читатели, погружаясь в текстовую реальность, получали возможность ощутить свои подсознательные влечения, заочно пережить экзистенциальные моменты, в которых проигрывались ситуации жизни и смерти, по выражению Ю.М. Лотмана, этой вечной и внесоциальной сущности. Р. Лэтам обозначил данное явление «потребительским вампиризмом». По мнению ученого, капиталистический строй с идеологией потребительского стремления формирует у человека вампирические наклонности, в том числе вуайеризм [34. Р. 100]. Феномен популярности «ньюгейтских историй» отчасти родственен ажиотажу вокруг современных реалити-шоу. «Внимание зрителей приковано к безобразному, аномальному – параллельному миру, в котором происходит разрушение человеческих связей и человеческого достоинства. Общественный интерес к «частным драмам», как правило, отталкивающим и постыдным, свидетельствует о том, что медиа выполняют коллективную психотерапевтическую функцию, от противного формируют нежелание жить так, как живут персонажи, конструируют способы повседневного взаимодействия, отчасти изживают комплексы, фобии, позволяя сопоставить свой опыт с опытом, пережитым другими» [9. С. 171]. В свете классификации «поклонников преступности», предложенной вышеупомянутым Дж. Ормсби, «Ньюгейтский календарь» предназначался тем, для которых преступник обладал порочной притягательностью. «Они испытывают глубокий интерес к тому, что он говорит и делает, что он сказал и сделал, – они испытывают неутолимую жажду знать, каково состояние его здоровья, что он ел на завтрак, как он относится к инвалидам, каков цвет его волос и глаз, его рост, его привычки, его образ мыслей... они не желают смягчить ни на йоту приговор преступников или улучшить их положение. Чем

строже наказание, тем более они довольны – только сообщите им все мельчайшие подробности» [11. С. 234–235].

Еще один существенный структурный элемент «Ньюгейтского календаря», который даже рекомендовался в качестве детского чтения, – это дидактизм. Считалось действенным прививать принципы правильной жизни, приправляя скучную и серьезную мораль остросюжетными рассказами из реальной жизни. Биографии преступников были шаблонно-ходульными, в содержательном плане представляя последовательно изложенный набор структурных элементов: жизнь, детали преступлений, признание, раскаяние и приведение приговора в исполнение.

Для усиления эффекта биографическое повествование в отдельных случаях сопровождалось довольно-таки банальными философско-моральными «эссе» о природе любви, дружбы, верности, неуклюжими стихотворными опытами, а иногда визуальными изображениями фигурантов преступления. Так, редакторы «Ньюгейтского календаря» образца 1780 г. разместили в качестве фронтисписа гравюру с изображением респектабельной дамы, вручающей сей фолиант сыну на фоне «не-пасторального» пейзажа, где явственно угадываются очертания виллы и болтающего на нем тела, а для усиления эффекта снабдили «лирическим» стихотворением:

Для материнского стремления
Чад оградить от преступления
И предназначен этот труд.
Здесь воровство, разбой и блуд
Несут заслуженную кару,
Внушая страх младым и старым

[24. Р. 2. Пер. И.М. Эрлихсон].

Здесь явно прослеживается попытка учесть вкусы разных слоев населения. С одной стороны, позиционируется адресация к рациональному субъекту: «Идеи – это нити, из которых соткан человеческий интеллект, без которых удовольствие и боль были бы слабыми и мимолетными ощущениями. Люди, у которых нет общих идей или универсальных принципов и которые действуют под влиянием примитивных аффектов, приобретают привычку быстро и небрежно сравнивать ряд объектов и формировать ложные умозаключения; в результате следствия их поступков воспринимаются ими менее разрушительными и неизбежными» [24. Р.10]. С другой стороны, форма подачи информации, направленная на синтез в коллективном сознании идей преступления и наказания в их причинно-следственной связи, осуществлялась путем апелляции скорее к чувственному восприятию, чем к логическому мышлению. «...первичная функция – воздействие, захват внимания, впечатление и очарование. При этом визуальные образы фокусируют внимание на изменчивых желаниях человека, утоляют его воображаемое отношение с тем, что ему недостает, или с тем, что ему недоступно» [9. С. 91–92]. Этим можно объяснить кажущийся парадокс: назидательный урок, который должен быть вынесен читателем после знакомства с пагубными примерами асоциального поведения, порой меркнет на фоне романтического флера вокруг персонажей, нарисованных не без авторской симпатии.

Издатели «Ньюгейтского календаря» уловили новые тенденции общественной психологии и положили ее в основу выверенной и успешной коммерческой стра-

тегии, исходя из вполне рациональной мотивации получения прибыли. В это же время «Ньюгейтский календарь» представляется эффективным и тонким инструментом идеологического контроля, способом воспитывать массы, намеренно упрощая и схематизируя содержание, дабы интегрировать в их сознание идею о незыблемости основ правосудия и социальных норм.

Литература

1. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни (воспроизводится по изданию 1867 г., Киев). Тула : Автограф, 2000. 353 с.
2. Gatrell V.A. The hanging tree. Execution and the English people. 1770–1868. Oxford : Oxford university press, 1996. 612 p.
3. Кобец П.Н. Важность криминологического изучения преступности современных мегаполисов // Инновационная наука : междунар. науч. журн. 2015. № 1–2. С. 180–181.
4. Акройд П. Уильям Блейк. СПб. : Крига, 2016. 456 с.
5. Fielding H. An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751. 203 p.
6. Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 177–192.
7. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (дата обращения: 15.04.2018).
8. Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. 2010. Т. 10. С. 10–40.
9. Дроздова А.В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дис. ... д-ра культурологии. М., 2017. 347 с.
10. Чеканцева З.А. Эмоции как призма постижения истории // Историки в поисках новых перспектив. М. : Аквилон, 2019. С. 339–353.
11. Уилсон Дж. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 227–250.
12. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 632 с.
13. Psychological Anthropology. The Hague / ed by T.R. Williams. P., 1975. 378 p.
14. Defoe D. The history of the remarkable life of John Sheppard. L., 1724. 55 p.
15. Defoe D. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. L., 1724. 38 p.
16. Тазин И.И. Роль нравственности в индивидуальном механизме преступного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (158). С. 92–95.
17. The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England // by A. Knapp and W. Baldwin: In 5 vols. L. 1824–1828. Vol. 1. 516 p.
18. Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005. URL: <https://e-libra.ru/read/325295-london-biografiya.html> (дата обращения: 01.04.2016).
19. Тазин И.И. Роль психической зависимости в индивидуальном механизме преступного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (146). С. 134–140.
20. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. № 03-1. С. 270–275.
21. Воронель А. Нулевая заповедь. Харьков : Пава людини, 2013. 412 с.
22. Липчанская И.В. Образ города в литературе постмодерна: к постановке вопроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, Вып. 3. С. 79–83.
23. Сиверцев Е.Ю. Эскапизм как одно из проявлений экзистенциальности человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (89). С. 96–100.

24. *The Newgate Calendar* / ed. by D. ó Danachair; pub. by the Ex-classics project, 2009. Vol. 1. 410 p.
25. *Gibson J.* «What are you? – a woman I suppose»: women in the eighteenth-century British court. Master of Arts thesis. Oregon, 2013.
26. *Ben-David S.* The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains // *Journal of Family Violence*. 1993. Vol. 8, № 2. P. 345–359.
27. *The Newgate Calendar* Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England / by A. Knapp, W. Baldwin : In 5 vols. L., 1824–1828. Vol. 2. 500 p.
28. *Гончарук Е.А. Э. Фромм и Ж.-П. Сартр о мазохизме: сравнительный анализ* // *Психолог*. 2014. № 4. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_13020.html (дата обращения: 14.02.2018).
29. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : АСТ, 2006. 571 с.
30. *Антоян Ю.М.* Садизм и некрофилия в механизме совершения убийства // *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. 2011. № 6. С. 195–200.
31. *Липовецкий Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб. : Алетейя, 2003. 495 с.
32. *Ideology and form in Eighteenth-century literature* / ed. by D. Richter. Texas, U.S.A. Texas Tech University Press, 1999. 275 p.
33. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Образовательные технологии*. 2014. № 1. С. 30–41.
34. *Latham R.* Consuming youth. Vampires, cyborgs and the culture of consumption. Chicago : The University of Chicago press, 2002. 321 p.

Irina M. Erlihson, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Russian Federation, Ryazan). E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 43, pp. 166–178.

DOI: 10.17223/22220836/43/13

THE NEWGATE CALENDAR: PSYCHOLOGICAL RECONSTRUCTION OF ENGLISH CRIMINAL BIOGRAPHY OF THE 18TH CENTURY

Keywords: The Newgate Calendar; crime; psychological anthropology; cultural history.

The author of the article refers to one of the intellectual aspects of the genesis of English penitentiary reforms of the 18th century. The progressive increase in crime rate, which English society faced in the 18th century, became a popular trend in social discourse, being left off “board” of historical penology that developed till the middle of the 20th century in the line of the normativism approach. Historiographic schools traditionally treated the evolution of English criminal justice system of the 18th century as the history of sanctions and led complicated social processes to forming severe “vertical of subordination”.

The dislocation of the vector of historical researches to interdisciplinary anthropological field led to the emergence of new methods of reconstructions of historical world. The author applied theoretical aspects and tools of “cultural-intellectual and new social history” and it helped to consider imperious relationships in the epoch of the reforming of criminal justice system in the mirror of representation in historical narratives in social-cultural context and reality of Great Britain in the 18th century.

The aim of the following research is to analyze criminal biographies from the Newgate Calendar for comprehension of the psychology of a crime both in the point of view of its direct subjects and through the prism of literary and personal interpretation.

To reach the goal the author solves the following tasks:

- considers the phenomenon of crime from the point of view of their subjects, on the one hand, and the public in the search for universal forms of neutralization of criminal aggression and ways of realization of the punishment in the stated period, on the other;
- analyzes the criminals’ psychological state and emotional reactions taking into account classical studies in criminal psychology;
- shows the specifics of the manifestation and perception of violence and “crime and retribution” interpretation in the social and spiritual-intellectual contexts of the period

In the framework of the study, the author resorts to both special historical and source study methods (biographical, historical synthesis, discursive analysis, interpretation of texts and sources), as well as to the tools of related humanitarian disciplines such as psychological anthropology (reconstruction of a criminal biography involving fundamental works of Z. Freud, E. Fromm, Yu.M. Antonyan).

We conclude the following:

First of all, Newgate histories performed the edifying function, reminding us of the inevitability of punishment and compulsory repentance of a criminal. Moralistic component helped the “Calendar” to create the reputation of reading, elevating the spirit and it frequently held pride of place on the bookshelves near the Bible.

Secondly, The Newgate Calendar made the attitude to the essence of violence in human nature as a part of public discourse. It was a successful commercial project of replication of the examples of antisocial behavior: violence, fraud, adultery, sexual inversions were boldly included into the sphere of public representation.

In fact, the combination of didactic discourses and narrative passages created compositional structure of every biography in proportion, fitting such criteria as provocativeness of the material, eccentricity of a criminal's personality and the degree of his discrepancy to conventional social norms.

References

1. Kistyakovskiy, A. F. (2000) *Issledovanie o smertnoy kazni (vosproizvoditsya po izdaniyu 1867 g., Kiev)* [Research on the death penalty (reproduced from the 1867 edition, Kiev). Tula: Avtograf.
2. Gatrell, V.A. (1996) *The hanging tree. Execution and the English people. 1770–1868*. Oxford: Oxford University Press.
3. Kobecz, P.N. (2015) Vazhnost' kriminologicheskogo izucheniya prestupnosti sovremennykh megapolisov [The importance of the criminological study of crime in modern megacities]. *Innovatsionnaya nauka*. 1–2. pp. 180–181.
4. Ackroyd, P. (2016) *Uil'yam Bleyk* [William Blake]. Translated from English. St. Petersburg: Kriga.
5. Fielding, H. (1751) *An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil*. London: [s.n.].
6. Le Goff, J. (1994) Yavlyaetsya li vse zhe politicheskaya istoriya stanovym khrebtom istorii? [Is political history, nevertheless, the backbone of history?]. *Thesis*. 4. pp. 177–192.
7. Berk, P. (2005) Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya [Historical anthropology and the new cultural history]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 75. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/nel5.html>. (Accessed: 15th April 2018).
8. Repina, L.P. (2010) Teoreticheskie novatsii v sovremennoy istoriografii [Theoretical innovations in modern historiography]. *Kharkivskiy istoriograficheskii zbornik*. 10. pp. 10–40.
9. Drozdova, A.V. (2017) *Vizualizatsiya povsednevnosti v sovremennoy mediakul'ture* [Visualization of everyday life in modern media culture]. Culture Studies Dr. Diss. Moscow.
10. Chekantseva, Z.A. (2019) Emotsii kak prizma postizheniya istorii [Emotions as a prism of comprehension of history]. In: Chekantseva, Z.A. (ed.) *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* [Historians in search of new perspectives]. Moscow: Akvilon. pp. 339–353.
11. Wilson, J.R. (2016) The Word Criminology: A Philology and a Definition. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Russian Journal of Economics and Law*. 10(3). pp. 227–250. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.227-251>
12. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for History]. Moscow: Nauka.
13. Williams, T.R. (ed) (1975) *Psychological Anthropology*. The Hague.
14. Defoe, D. (1724a) *The History of the Remarkable Life of John Sheppard*. London: [s.n.].
15. Defoe, D. (1724b) *A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard*. London: [s.n.].
16. Tazin, I.I. (2015) The role of morality in the individual mechanism of criminal behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 5(158). pp. 92–95. (In Russian).
17. Knapp, A. & Baldwin, W. (eds) (1824) *The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England*. Vol. 1. London: [s.n.].
18. Ackroyd, P. (2005) *London. Biografiya* [London. Biography]. Translated from English. Moscow: O. Morozova. [Online] Available from: <https://e-libra.ru/read/325295-london-biografiya.html> (Accessed: 1st April 2016).
19. Tazin, I.I. (2014) The role of addiction in the individual mechanism of criminal behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 5(146). pp. 134–140. (In Russian).
20. Belov, V.I. (2017) Eskapizm: prichiny, funktsii i granitsy [Escapism: causes, functions and boundaries]. *Innovatsionnaya nauka*. 03-1. pp. 270–275

21. Voronel, A. (2013) *Nulevaya zapoved'* [Zero Commandment]. Khar'kov: Pava lyudini.
22. Lipchanskaya, I.V. (2012) To the Problem of the City Image in Postmodern Literature. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 12(3). pp. 79–83. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2012-12-3-79-83
23. Sivertsev, E.Yu. (2018) Escapism as one of the manifestations of human existentiality. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3(89). pp. 96–100. (In Russian).
24. Ó Danachair, D. (ed.) (2009) *The Newgate Calendar*. Vol. 1. The Ex-classics project.
25. Gibson, J. (2013) “What are you? – a woman I suppose”: women in the eighteenth-century British court. Master of Arts Thesis. Oregon: University of Oregon.
26. Ben-David, S. (1993) The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains. *Journal of Family Violence*. 8(2). pp. 345–359.
27. Knapp, A. & Baldwin W. (eds) (1825) *The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England*. Vol. 2. London: [s.n.].
28. Goncharuk, E.A. (2014) E. Fromm i Zh.-P. Sartr o mazokhizme: sravnitel'nyy analiz [E. Fromm and J-P. Sartre on Masochism: A Comparative Analysis]. *Psikholog*. 4. DOI: 10.7256/2306-0425.2014.4.13020
29. Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from German. Moscow: AST.
30. Antonyan, Yu.M. (2011) Sadizm i nekrofiliya v mekhanizme soversheniya ubiystva [Sadism and necrophilia in the mechanism of murder]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal – Gaps in Russian Legislation*. 6. pp. 195–200.
31. Lipovetskiy, Zh. (2003) *Tret'ya zhenshchina. Nezyblemost' i potryasenie osnov zhenstvennosti* [The third woman. The immutability and shock of the foundations of femininity]. St. Petersburg: Aleteyya.
32. Richter, D. (ed.) (1999) *Ideology and Form in Eighteenth-Century Literature*. Texas: U.S.A. Texas Tech University Press.
33. Lotman, Yu.M. (2014) Tekst v tekste [Text in text]. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 1. pp. 31–40.
34. Latham, R. (2002) *Consuming youth. Vampires, cyborgs and the culture of consumption*. Chicago: The University of Chicago Press.